

32
691
1967
1905

А. ПОРОХОВЩИКОВЪ.

ЧЪМЪ ПОБѢДИЛИ СТАРООБРЯДЦЫ?

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
значительно дополненное.

ЧАСТЬ I.
ТРИ ПОКОЛЪНІЯ:
прадѣды, дѣды, отцы.

ЧАСТЬ II.
Т 1 ЗАПРОСА и ОТВѢТА.

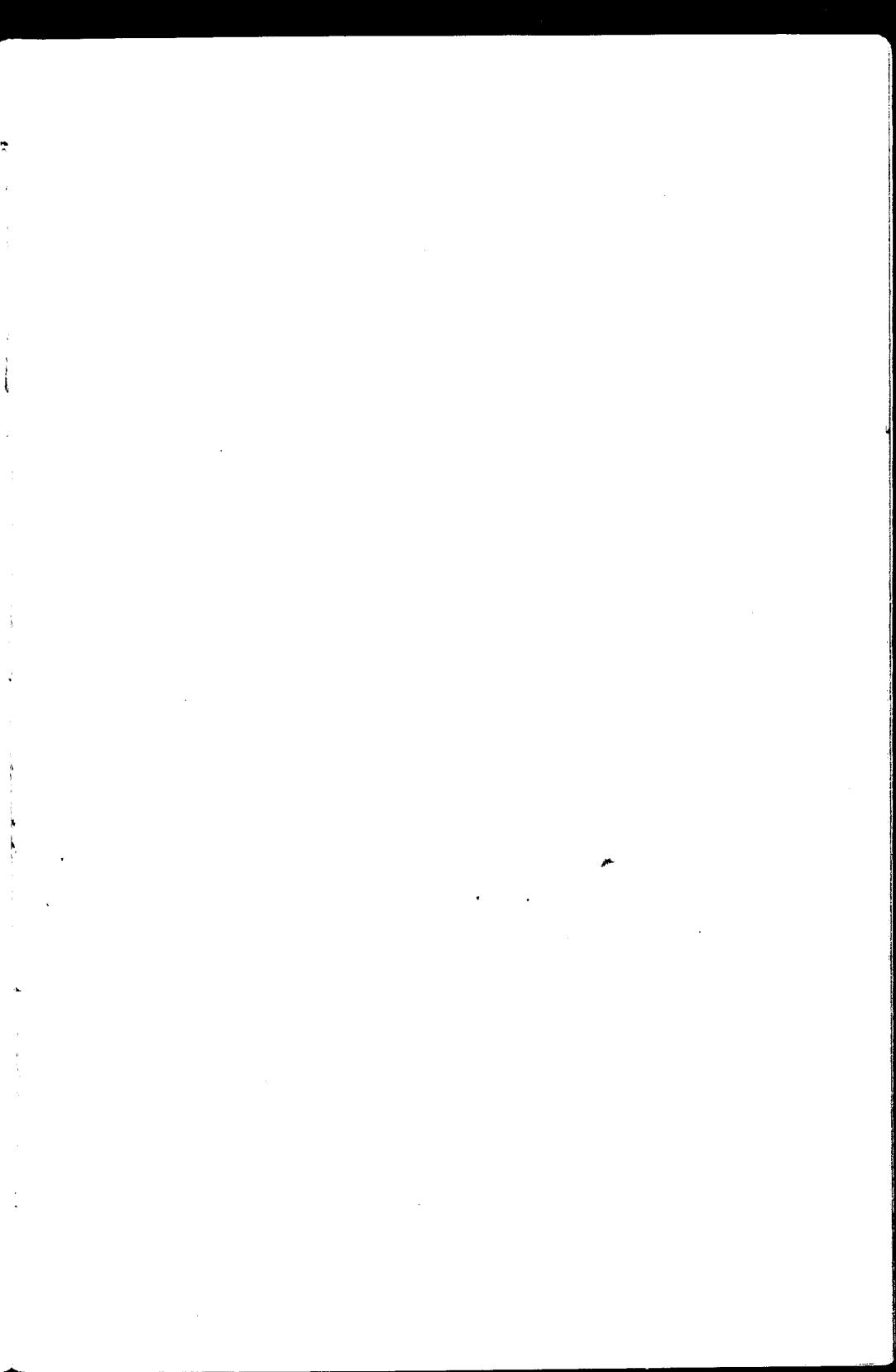
ЧАСТЬ III.
НУДА ИТТИ? НАНЬ БЫТЬ?

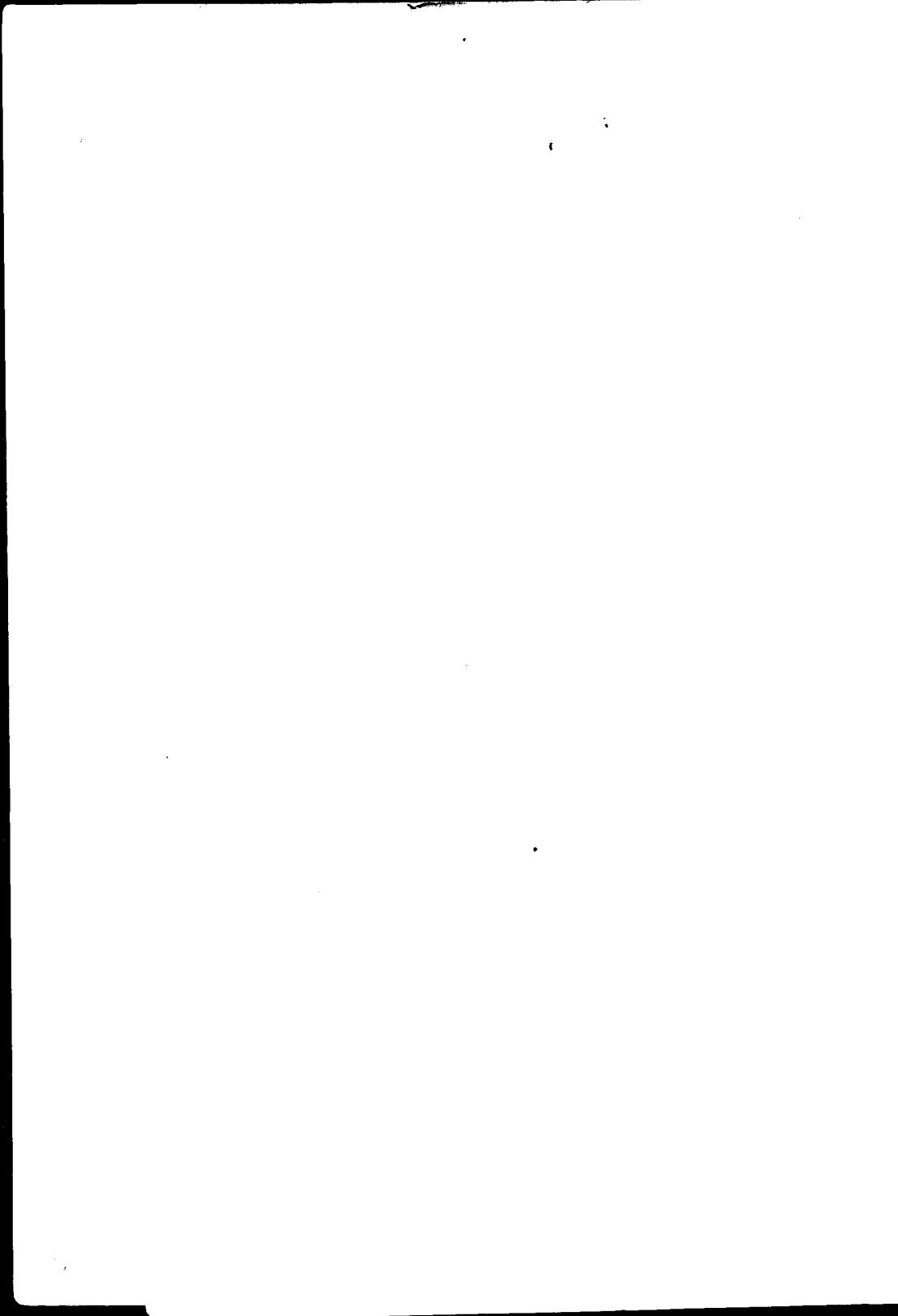
ЧАСТЬ IV
ЗАГАДКА и РАЗГАДКА.
(Памяти С. Т. Морозова.)

МОСКВА.
1905.

Цѣна 40 коп.

Род. Ильинскій Ф. Ф.

А. ПОРОХОВЩИКОВЪ.

Чѣмъ побѣдили
старообрядцы?

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
значительно дополненное.

ЧАСТЬ I.

ТРИ ПОКОЛѦНІЯ:
прадѣды, дѣды, отцы.

ЧАСТЬ II.

ТРИ ЗАПРОСА и ОТВѦТА.

ЧАСТЬ III.
КУДА ИТТИ? КАКЪ БЫТЬ?

ЧАСТЬ IV.
ЗАГАДКА и РАЗГАДКА.
(памяти С. Т. Морозова).

МОСКВА.
1905.

Цѣна 40 коп.

BX601
P67
1705

ЧАСТЬ I.

Три поколѣнія

(прадѣды, дѣды, отцы).

Чѣмъ побѣдили старообрядцы? Тѣмъ, чѣмъ только имѣли мѣрку побѣдить Японію: любовью беззавѣтной къ родинѣ; крѣпостью духа; единенiemъ; терпѣniемъ, о которомъ такъ настойчиво просилъ главнокомандующій при отъѣздѣ въ армію. Или другими словами—старообрядцы побѣдили тѣмъ, что, вѣрные завѣтамъ предковъ, крѣпко вѣрили Христу, возгласившему, что „Претерпѣвый до конца, той спасется“; да вѣрили вѣками оправданной истинѣ, что только въ единеніи сила.

Что же претерпѣвала эта многомилліонная группа Русскихъ христіанъ—старообрядцевъ сплошь грамотеевъ, трезвенниковъ? Какія гоненія, какой гнетъ она пережила и въ чёмъ ея побѣда, которую читатель хочетъ знать прежде всего?

* * *

Въ субботу Страстной недѣли—16 апрѣля 1905 года прїѣхали въ Москву Царскіе послы съ приказомъ Государя снять печати съ алтарей старообрядческихъ церквей, запечатанныхъ полстолѣtie назадъ по представленію митрополита Филарета (см. справку 1 стр. 15).

Тотъ часъ по прибытии пословъ всѣ выборные отъ Общества старообрядцевъ и попечители Рогожскаго кладбища были по телефону приглашены къ градоначальнику для сообщенія имъ о миссіи по-

словъ. Послами были генераль-адъютантъ свѣтлѣй-
шій князь Голицынъ и флигель-адъютантъ графъ
Шереметевъ, которые въ сопровожденіи Москов-
скаго градоначальника генерала Волкова пріѣхали
въ 3 часа на Рогожское кладбище, гдѣ ожидали ихъ
попечители, выборные и тѣ ихъ единовѣрцы, до
которыхъ успѣла дойти эта радостная вѣсть. Стар-
шій изъ пословъ прочелъ съ амвона слѣдующее:

„Государь Императоръ Высочайше соизволилъ
16 апрѣля отправить Московскому Генераль-Губер-
натору слѣдующую телеграмму:

„Повелѣваю въ сегодняшній день наступающаго Свѣтлаго
праздника распечатать алтари старообрядческихъ часовень
Рогожскаго кладбища и предоставить впредь состоящимъ при
нихъ старообрядческимъ настоятелямъ совершать въ нихъ
церковныя службы. Да послужитъ это столь желанное старо-
обрядческимъ міромъ снятіе долговременного запрета новымъ
выраженіемъ моего довѣрія и сердечнаго благоволенія старо-
обрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою предан-
ностью престолу. Да благословитъ и умудритъ ихъ Господъ
съ полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стре-
мленіемъ русской Православной Церкви возсоединить ихъ съ
нею и прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историче-
скую церковную рознь, устраниТЬ которую можетъ только
церковь“.

НИКОЛАЙ II.

Во время чтенія Указа народъ прибывалъ въ
храмъ и изумленная и умиленная до слезъ толпа
крестилась и клала поклоны, а по окончаніи чтенія
негромкіе, но многіе голоса говорили псаломъ: „Госпо-
ди спаси Царя и услыши ны въ онъ же день аще
призовемъ Тя“. Затѣмъ служили благодарственный

молебенъ съ водосвятіемъ, и до самой полунощницы сотни рукъ очищали, убирали алтарь лѣтняго храма, приготавляя его къ пасхальной службѣ.

Въ 11 часовъ началась полунощница; паника дила и свѣчи, которая держалъ народъ въ рукахъ, еще не засвѣщали, но и безъ того было свѣтло въ храмѣ отъ множества толстыхъ свѣчей, освѣщавшихъ мѣстныя иконы. Очистительную для всѣхъ молитву съ амвона читалъ необычнымъ голосомъ настоятель отецъ Елисѣй, видимо борясь съ охватившимъ его волненіемъ, и многотысячная толпа внимала ей колѣнопреклоненная. „Не можетъ теперь не побѣдить въ войнѣ Царь“ сквозь слезы сказалъ мнѣ, поднимаясь съ колѣнъ, одинъ изъ близъ стоявшихъ.

Когда кончилась полунощница, весь храмъ горѣлъ въ огняхъ, и внутри (спр. 11) церкви пошелъ крестный ходъ въ предшествіи хоругвей, пѣвчихъ и семи свѣщниковъ, несомыхъ дѣтьми, за которыми следовало духовенство въ бѣлыхъ ризахъ. Трудно описать настроеніе толпы, съ великими усилиями образовавшей узкій путь для хода. Казалось невозможнымъ, чтобы не случилось какого-нибудь несчастія въ такой тѣсно сплоченной массѣ людей, особенно въ женской ея половинѣ. Вѣдь у каждого изъ этой многотысячной толпы была въ рукахъ зажженная свѣча; легко было загорѣться платьямъ или тѣмъ бѣлымъ платкамъ, въ которыхъ были женщины всѣхъ возрастовъ взамѣнъ шляпъ. Но ничего подобнаго тутъ не случилось. Загорались лишь глаза людей необычнымъ блескомъ, отражая дивный подъемъ духа... Когда же—ровно въ полночь—кончалось третье шествіе, у входа дверей разступилася толпа, вошли Царскіе послы съ градонаачальникомъ, и первое „Христосъ Воскресе“ было такимъ уда-

ромъ по нервамъ всѣхъ безъ искушенья, что не было невлажныхъ глазъ... и не тихій плачъ радостный, а тихія рыданія мѣстами слышались въ толпѣ. Да и могло ли быть иначе! Вѣдь съ этимъ Христосъ Воскресе воскресли и гражданскія права у безправныхъ гражданъ... Такой минуты не забудешь никогда...

* * *

Отвѣтивъ на первый запросъ читателя, повѣдаемъ о томъ, что претерпѣвали старообрядцы за тотъ періодъ времени, который пишущему эти строки довелось наблюдать или узнать изъ вѣрныхъ источниковъ, предоставляемъ современникамъ и будущему историку старообрядчества провѣрить, подтвердить, дополнить. А этотъ періодъ обнимаетъ собой *три поколѣнія*.

Начнемъ съ прадѣдовъ, съ 1831 года. Приведемъ выписку изъ книги Д. А. Кропотова о подвигахъ старообрядцевъ во дни первого польского восстанія.

„Нельзя,— говоритъ почтенный лѣтописецъ,— не отозваться съ особой похвалой о нашихъ старообрядцахъ, которые въ преданности своей къ Отечеству явились достойными сынами Россіи. Въ имѣніи графа Хребтовича, м. Холопеничахъ, Борисовскаго уѣзда засѣль обозъ какого-то гусарскаго полка и въ теченіе четырехъ недѣль не могъ выбраться по неимѣнію подводъ. Всѣ мѣстные помѣщики отказались выслать необходимыя для поднятія тяжестей подводы и въ то же время разсылали гонцовъ для приглашенія повстанцевъ воспользоваться русской добычей. Преданный русскимъ управляющій имѣніемъ графа Хребтовича Романъ Милодовскій не могъ собрать въ своей волости достаточнаго

числа лошадей. Старообрядцы Могилевской губерніи, услышавъ объ опасности, грозившей казено-му имуществу, добровольно и даже безъ всякаго приглашенія вдругъ явились въ числѣ 110 подводъ, подняли все полковое имущество и вооружившись сами, кто чѣмъ могъ, конвоировали обозъ и доставили въ цѣлости къ мѣсту назначенія въ г. Лепель (спр. III).

Но не въ одной Могилевской губерніи старообрядцы показали свою преданность законному правительству. Когда всѣ уѣзды Виленской губерніи были уже въ открытомъ возстаніи—Браславскій и Завидейскій уѣзды оставались еще спокойными. Старообрядцы этихъ уѣздовъ, не взирая на распущеные слухи о скоромъ будто бы прибытии генерала Паца съ 50,000 войска, устроивъ милицію, высыпавшую караулы и разъѣзды, долго удерживали въ краѣ спокойствіе. Въ ночь съ 28 на 29 марта эти старообрядцы-добровольцы подъ начальствомъ присланного имъ изъ Вильны отставного полковника Каховскаго, отразили покушеніе мятежниковъ овладѣть Видами, и если потомъ уступилъ Свѣнцянъ, то только потому, что Свѣнцянскій исправникъ, отставной капитанъ Яцковскій, передался на сторону повстанцевъ. Въ награду за свою службу старообрядцы просили Каховскаго дозволить имъ... ну какъ бы вы думали, читатель, что просили старообрядцы за такую службу?—Они просили позволить въ колокола на праздникъ Святой Пасхи... Каховскій, по совѣщаніи съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ Мердеромъ, далъ на это согласіе. Сей послѣдній, черезъ графа Бенкендорфа, ходатайствовалъ о пожалованіи старообрядцамъ за заслуги колокольного звона. По докладу этого ходатайства послѣдовала

слѣдующая резолюція Государя: „Вмѣсто звона въ колокола, котораго впредь допускать нельзя, будеть можно усерднѣйшихъ представить къ наградѣ медалями, по сношенію съ графомъ Толстымъ“. „На символическомъ языкѣ всѣхъ народовъ звукъ колокола знаменуетъ господство въ странѣ религіи, исповѣдуемой верховной властью и большинствомъ народа. Отсюда проистекаетъ, что наиболѣе вѣротерпимыя государства никогда не разрѣшаютъ иновѣрцамъ или сектантамъ употребленіе колоколовъ“.

Но отчего же у насъ звонять не одни римскіе католики? Конечно инославные звоны не оглушаютъ, какъ подчасъ оглушаютъ звоны православные, и царя-колокола въ 12,000 пуд. отливать и въ голову имъ не придетъ; но все же они звонять тогда, когда молчатъ колокола даже у старообрядцевъ приемлющихъ священство. Не чувствуется ли тутъ разладъ разумъ съ совѣстью?...

Отъ прадѣловъ перейдемъ теперь къ дѣдамъ. Въ 1863 году, во время второго польского восстанія, подъ городомъ Динабургомъ повстанцы разграбили обозъ съ оружиемъ. Возможность нападенія на казенный транспортъ объясняется тѣмъ, что мѣстная администрація растерялась до такой степени, что не принимала никакихъ мѣръ въ предыдущихъ проявленіяхъ мятежа. Но когда въ Петербургѣ узнали, что дѣло дошло до разграбленія обозовъ съ оружиемъ, то по желѣзной дорогѣ былъ посланъ на мѣсто гвардейскій уланскій полкъ... Но не для усмиренія польскихъ повстанцевъ, а—какъ бы вы думали читатель для чего?—для усмиренія русскихъ старообрядцевъ, которые якобы грабятъ мызы помѣщиковъ“.

Такъ говорилъ въ своихъ донесеніяхъ виленскій окружной жандармскій генераль. Онъ увѣрялъ при-

томъ, что въ краѣ нѣтъ мятежа, а „что это есть бунтъ раскольниковъ противъ помѣщиковъ; что это предвѣщаетъ рѣзню, бывшую въ Галиціи въ 1845 г.; что графъ Плятеръ, только что схваченный старообрядцами во главѣ динабургской банды, Молли и проч. помѣщики совершенно покойны, и нѣтъ никакого заговора противъ правительства“. Шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ повѣрилъ такому донесенію, увѣрилъ въ этомъ и Государя, и испросилъ Высочайшее повелѣніе отправить туда войско и генерала „для усмиренія... старообрядцевъ“. Министръ Государственныхъ имуществъ генералъ-адъютантъ Зеленый, которому были подвѣдомственны старообрядцы, узнавъ о столь безцеремонномъ извращеніи истины, тотчасъ поѣхалъ къ Государю, объяснилъ ему настоящее положеніе дѣла, испросилъ отмѣны посылки особаго генерала отъ шефа жандармовъ и тутъ же получилъ разрѣшеніе прекратить беспорядки среди подвѣдомственныхъ ему старообрядцевъ безъ вмѣшательства жандармовъ. Состоявшій при Министрѣ Зеленомъ генералъ-лейтенантъ Длотовскій былъ тотчасъ посланъ въ Динабургъ, и вотъ, что тамъ оказалось: въ управлениѣ Динабурга было въ рукахъ польскихъ чиновниковъ; для охраны крѣпости почти не было войскъ, кромѣ одного резервнаго батальона и прибывшихъ для комплектованія его рекрутовъ. Мало того: Динабургъ долженъ бы быть взятъ повстанцами въ предназначенный уже день. Выяснилось, что графъ Плятеръ со своими повстанцами семью днями ранѣе дня, назначенного для взятія крѣпости, кинулся на вышеупомянутый казенный транспортъ и только тѣмъ обнаружилъ замыселъ. Далѣе оказалось, что „старообрядцы давно видѣли приготовленія къ возстанію

и при первомъ же покушеніи Плятера вооружились всѣ, отбили транспортъ и взяли самого Плятера". Но и этого мало: „не ограничиваясь симъ, старообрядцы отправились по Динабургскому и Сибежскому уѣздамъ укрощать мятежъ, и своимъ появлениемъ помѣшали сформированію уже собиравшимся мятежнымъ бандамъ".

До какой степени безсилія оказалась мѣстная русская власть служить тотъ фактъ, что манифестъ 19 февраля 1861 года о прекращеніи крѣпостного права не былъ даже приведенъ въ дѣйствіе...

Итакъ, мы видѣли и прадѣдовъ и дѣдовъ; посмотримъ же и третью поколѣніе. Посмотримъ на отцовъ въ коронацію царя Александра III-го.

Перваго марта 1881 года среди бѣла дня послѣдовала мученическая кончина Александра II, положившаго предѣлъ крѣпостному праву, а 15 мая 1883 года была коронація Его преемника. Такой промежутокъ времени отъ вступленія на престолъ до коронаціи невольно возбуждаетъ вопросъ о причинахъ столь долгаго периода между этими двумя актами, казалось бы нераздѣльными и, во всякомъ случаѣ, быстро слѣдующими одинъ за другимъ. Оставимъ позднѣйшему историку отвѣтить на этотъ вопросъ, приведемъ лишь одинъ изъ эпизодовъ для характеристики третьего поколѣнія старообрядцевъ, какъ пріемлюющихъ, такъ и непріемлюющихъ священства. Тутъ дѣло въ томъ, что подъ впечатлѣніемъ событий первого марта и предыдущихъ покушений на того изъ самодержцевъ, царствованіе котораго было цѣлымъ рядомъ великихъ реформъ — мысль объ охранѣ порядка и предупрежденія попытокъ революціонной партіи была, конечно, предметомъ долгаго и всесторонняго обсужденія. И вотъ,

незадолго до коронаціи прибыль въ Москву флигель-адъютантъ полковникъ графъ Шуваловъ съ выработанной программой охраны въ коронационные дни. Однимъ изъ пунктовъ этой программы была организація охранной дружины въ нѣсколько тысячи чоловѣкъ, долженствовавшихъ быть на тѣхъ путяхъ, которые предстояли Государю во всѣ дни пребыванія въ Москвѣ. Словомъ, эта была какъ бы личная охрана Царя и Его семьи. Оставалось лишь решить вопросъ о томъ, кого поставить во главѣ такой охраны. Московскій генералъ - губернаторъ князь Долгоруковъ совмѣстно съ флигель-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ предложили мнѣ взять на себя выполненіе этого пункта программы, заявивъ притомъ, что отказъ мой вызвалъ бы немалая затрудненія, тѣмъ болѣе, что о таковомъ выборѣ было извѣстно Государю. Что же оставалось, какъ не выразить согласіе, что я и сдѣлалъ, прося предъявить мнѣ всѣ подробности организаціи, мѣру моей ответственности, а стало быть и мѣру правъ и обязанностей въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ и въ особенности въ случаяхъ непредусмотрѣнныхъ, такъ какъ послѣдніе потребуютъ мѣропріятій, исходящихъ отъ ответственного за охранную дружибу лица при условіяхъ, исключающихъ иногда возможность предварительного совѣщанія съ высшими инстанціями. И вотъ, прочитавъ эти бумаги, я, къ изумленію моему, узналъ, что охранную дружибу предположено образовать исключительно изъ старообрядцевъ. Изъявляя тутъ же готовность быть хотя бы рядовымъ въ этой дружинѣ, я заявилъ однако рѣшительный отказъ быть во главѣ такового ея исключительного состава. И только послѣ долгихъ настоящій генералъ-губернатора указалъ на одну изъ причинъ, которая рѣ-

шала отказъ мой безповоротно. Я представилъ такую картину: старообрядцы какъ пріемлюще священство, такъ и непріемляюще его дали болѣе всѣхъ другихъ группъ населенія доказательствъ вѣрности престолу и родинѣ; во всѣхъ процессахъ политическихъ и попыткахъ колебанія или нарушенія исторически сложившаго строя, какъ и въ покушеніяхъ на самую личность монарховъ и представителей власти, не было ни одного старообрядца; а между тѣмъ и до сихъ поръ они не имѣютъ даже тѣхъ гражданскихъ правъ, которыми пользуются остальнаяя группы населенія, выдѣлявшія изъ среды своей множество лицъ къ услугамъ революціонной партіи. Однимъ изъ обидныхъ для старообрядцевъ актовъ было закрытие ихъ алтарей; и вотъ мнѣ думается, сказалъ я, что въ самый моментъ коронованія, когда избранные изъ нихъ будутъ охранять Царя и Кремль, развѣ не можетъ прийти на мысль, хотя бы женамъ ихъ, подросткамъ, старикамъ, снять печати съ алтарей и служить литургію и молебень за царя, какъ будутъ служить въ то же время въ церквяхъ православныхъ и инославныхъ, коихъ прихожане не дали столько доказательствъ вѣрности своей престолу и родинѣ, какъ дали они, старообрядцы? А такъ какъ вѣсть о такомъ событии могла быстро дойти и до Кремля, то кто же могъ бы поручиться за то, что вся эта охранная дружина не бросилась бы домой къ своимъ семьянъ изъ опасенія какихъ-либо дѣйствій мѣстной полиції, обязанной, конечно, наблюдать за цѣлостью печатей, наложенныхыхъ повелѣніемъ Верховной Власти. При чёмъ же остался бы начальникъ исчезнувшей охраны? Да и къ чому былъ такой вызовъ послѣдователямъ господствующей церкви и самой этой церкви?..

Этимъ и кончились всѣ объясненія, ибо даже на предложеніе взять на себя организацію хотя бы одной бригады этой дружины я отвѣчалъ только повтореніемъ готовности быть рядовымъ ея, но не главой.

Не знаю, что было далѣе, но помню лишь одинъ моментъ, когда тревожная мысль блеснула въ головѣ, это было при внезапной остановкѣ торжественной процессіи въ районѣ Охотнаго ряда и Иверской часовни,—остановкѣ, въ которой охрана и старообрядцы были не при чемъ, а вина была лишь въ томъ, что невѣрно былъ расчитанъ путь при раздѣлѣ процес-сіи на двѣ колонны въ узкіе проѣзды около часовни, и эта мысль пришла лишь потому, что въ числѣ дворянъ, ѿхавшихъ верхомъ, мнѣ довелось ѿхать рядомъ съ однимъ изъ представителей Кавказскаго дворянства, который указывалъ на узкую улицу Тверскую, какъ на такое дефиile, которое, пред-ставляетъ всѣ удобства къ осуществленію попытко-къ, направленныхъ въ томъ смыслѣ, о которомъ говорили всю дорогу, несмотря на то, что я утвер-ждалъ, что по всему пути не только окна заперты и замазаны, но что заперты даже ходы на чердаки, послѣ тщательнаго ихъ обхода охраннымъ отдѣле-ніемъ.

Извѣстно, что коронаціонные дни Александра III прошли по программѣ, не нарушенной ничѣмъ. Из-вѣстно также, что и алтари и права старообрядцевъ остались такъ, какъ были... Таково было до сего вре-мени политическое положеніе Русскихъ старообряд-цевъ—страстотерпцевъ.

Посмотримъ теперь на положеніе экономическое этой группы; каково оно было, какимъ есть и какимъ несомнѣнно будетъ, доколѣ они крѣпко держатся у стое въ своихъ и преданій. Припомнимъ однако,

что на стр. 10 приведенъ тотъ фактъ, что въ революціонной партіи буквально не было ни одного старообрядца во весь разсматриваемый періодъ трехъ поколѣній. Вожаки революціонной партіи конечно знали до какихъ предѣловъ доходило ограничение гражданскихъ правъ этой многомилліонной группы и, казалось бы, именно въ этой - то средѣ революціонная проповѣдь должна имѣть успѣхъ. Но отчего же вышло наоборотъ? Не отъ того ли, что тутъ проповѣдники уперлись въ стѣну, отдѣляющую Русь христіанскую, Русь русскую, до-петровскую отъ другой Руси, давно расколотшейся на двѣ, изъ коихъ одна—властная, руководящая—теряла шагъ за шагомъ и вѣру, и языкъ, и преданія, и обликъ, а стало быть теряла и связь съ родиной своей и сыновнюю къ ней любовь.

Какъ же отразилось такое властное водительство на экономической сторонѣ Руси по-петровской? Оно отразилось въ конечномъ итогѣ обнищаніемъ материальnymъ прежде всего; затѣмъ оскудѣніемъ духовнымъ и, наконецъ, тѣмъ разложеніемъ которое дошло до апогея своего въ переживаемые нами дни. Не будемъ далекоходить за доказательствами: селенія, за которыми недоимокъ нѣтъ или недоимокъ мало—чуть не сплошь старообрядческія; ибо не было въ нихъ дѣла ни кабаку, ни винной лавкѣ. И меньшій процентъ заболѣваемости и смертности развѣ не отъ той же трезвости, которая ведетъ и къ бережливости, и къ достаткамъ всяческимъ и къ крѣпости семьи и процвѣтанію общины. Возьмите тюремную, врачебную, какую угодно статистику по вѣроисповѣданіямъ, и скажите по совѣсти, развѣ все это отличіе старообрядцевъ отъ нестарообрядцевъ исходитъ не отъ церкви

гонимой двѣсти лѣтъ?.. Да вѣдь только одной этой гонимой церкви Россія обязана тѣмъ, что хоть въ такой многомилліонной группѣ населенія всѣ грамотны и чуть не поголовно трезвы.

* * *

Этой выборкой, какъ наиболѣе выпуклой изъ жизни трехъ поколѣній старообрядцевъ, я закончилъ бы краткій очеркъ, если бы въ долгихъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ не отмѣтилъ черты, на которую считаю долгомъ обратить особенное вниманіе ихъ же наставниковъ и главарей, отцовъ и матерей и тѣхъ членовъ ихъ семей, которые пользуются наибольшимъ авторитетомъ.

Дѣло въ томъ, что даже въ средѣ старообрядцевъ пріемлющихъ священство мнѣ доводилось встрѣтить рѣзкое противорѣчіе въ оцѣнкѣ ихъ исключительного положенія и встрѣтить разномысліе въ вопросахъ, казалось бы требующихъ наибольшаго единомыслія. И если эта разноголосица не давала себя знать такими явленіями, которыя обратили бы на себя вниманіе печати или вызвали бы вмѣшательство администраціи, то это объясняется отчасти и тѣмъ гнетомъ, который нынѣ рушится указомъ 17 апрѣля. Совсѣмъ иное дѣло при дарованной свободѣ,—если результатомъ этой свободы появится ложное ея пониманіе, распаденіе, скажемъ прямо—расчененіе хотя бы этой, наиболѣе многочисленной группы пріемлющихъ священство на болѣе мелкія группы, гласно недовольная одна другой. Вотъ впечатлѣніе основанное на многолѣтнемъ близкомъ знакомствѣ со старообрядчествомъ почти всѣхъ толковъ. Это же впечатлѣніе будетъ и точкой отправленія нижеслѣдующихъ выводовъ и пожеланій:

I.

Все прошлое старообрядцевъ въ связи съ со-
бытиями послѣднихъ лѣтъ и дней свидѣтельствуетъ
о томъ, какую славу, воистину великую стра-
ничу въ исторіи эти русскіе люди подготовили себѣ,
потомству своему и своей церкви—если единеніе
ихъ не будетъ поколеблено, если только любовь къ
родинѣ и вѣрность завѣтамъ предковъ будутъ по-
прежнему свѣточами на новомъ ихъ пути.

II.

Все прошлое старообрядцевъ свидѣтельствуетъ
и о томъ, что они не измѣнили русскому дѣлу толь-
ко въ силу крѣпкой связи своей съ вѣковыми устоя-
ми до-петровской Руси, невѣдомо кѣмъ названной
святой по духу ея и многострадальной по истори-
ческому подвигу ея. А этотъ подвигъ такъ великъ,
что не было равнаго ему въ исторіи всего человѣ-
чества. Возьмите хоть одинъ заслонъ Европы одною
Русью отъ первого нашествія монголовъ. И развѣ
теперь, при второмъ такомъ же нашествіи, не такъ
же одинокою стоить эта Русь до-петровская въ ре-
зервѣ силъ для охраны дома своего и для побѣды
внѣ его?

III.

Тамъ, гдѣ два вѣка жили и доселѣ живы націо-
нальные устои, тамъ не можетъ не быть могучихъ
выразителей этихъ устоевъ, не можетъ не быть спо-
собныхъ и достойныхъ быть впереди толпы, быть
на всѣхъ ступеняхъ управления страны. Такія силы
болѣе всего нужны въ тяжкія годы. И вотъ та-
кимъ-то силамъ въ особенности пожелаемъ забвенія
да христіанскаго прощенія пережитому прошлому,
прежде всего, а затѣмъ и широко открытыхъ дверей
на всѣхъ путяхъ. Хуже не будетъ. Да и для

возврата утраченной мощи экономической и политической, первый шагъ — переоцѣнка силъ наличныхъ и поиски силъ **НОВЫХЪ** во всѣхъ углахъ. Вотъ вамъ поличное — труды закрытаго „Особаго Совѣщанія“; а вотъ и нарушенный тутъ завѣтъ Христа Ев. Лук. гл. VI, ст. 37: „И никто не вливаетъ молодого вина въ мѣха ветхіе; а иначе молодое вино прорветъ мѣха и самое вытечетъ и мѣхи прорвутся“ — какъ провалились всѣ труды **особаго** изъ всѣхъ „Особыхъ Совѣщаній“...

СПРАВКА.

I.

Филаретъ считалъ себя обязаннымъ настаивать на запечатаніи алтарей старообрядческихъ церквей по слѣдующимъ основаніямъ: Екатерина II-я разрешила старообрядцамъ братъ священниковъ отъ господствующей церкви, а съ воцареніемъ Николая I-го это разрешеніе было отмѣнено. И вотъ, когда въ 1854 году умеръ послѣдній изъ такихъ священниковъ всѣми достойно чтимый о. Иванъ Матвеевичъ Ястребцовъ, Филаретъ и донесъ Синоду, что остались одни дьячки, что служить литургію некому. Затѣмъ въ 1856 году, не взирая на всѣ ходатайства старообрядцевъ и громадныя траты на взятки ходатаямъ за нихъ, пришли на Рогожское кладбище чиновники и наложеніемъ печатей на алтари обоихъ храмовъ обратили ихъ въ молитвенные дома.

Когда въ концѣ царствованія Александра II министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Лорисъ-Меликовъ, объявившій программой внутренней политики „диктатуру сердца“, старообрядцамъ разрешили поставить на амвонъ передъ запечатанны-

ми алтарями палатки взамѣнъ алтарей и не пресльдо-
вали священниковъ „австрійскаго рукоположенія“
за служеніе литургіи. Когда же Александръ II былъ
убитъ „диктатуру сердца“ отмѣнили и опять при-
шли чиновники съ приказомъ палатки всѣ убрать
и литургію не служить. Это было въ 1884 году.

Съ тѣхъ поръ у старообрядцевъ литургію слу-
жили лишь въ частныхъ молитвенныхъ домахъ раз-
рѣщенныхъ и неразрѣщенныхъ — съ алтарями по-
стоянными или временными, т.-е. складными, сбор-
ными на время службы и разборными по ея окон-
чаніи. Такихъ молитвенныхъ домовъ въ Москвѣ около
30-ти. Всѣ это знаютъ. Знаютъ и чиновники. На
время службы въ неразрѣщенныхъ молитвенныхъ
домахъ ворота и калитки запираютъ: люди сторон-
ние не входятъ, и никто молитвамъ не мѣшаетъ, слѣ-
дя изстари введенному обычай взаимопомощи.

II.

Въ Указѣ о распечатаніи алтарей не было отмѣ-
нено запрещеніе ходить крестнымъ ходомъ вокругъ
церкви и вообще выходить изъ храма духовенству
въ ризахъ. Вотъ почему и торжественный ходъ въ
пасхальную заутреню былъ внутри храма. Спустя
три дня мнѣ довелось быть на похоронахъ въ этомъ
же храмѣ, и также точно при выносѣ гроба духо-
венство провожало покойника только до дверей.

III.

Эти свѣдѣнія взяты изъ подлиннаго донесенія
полоцкаго коменданта, полковника Данилова 2-го на-
чальнику штаба поселенныхъ войскъ генералъ-адью-
танту Клейнмихелю отъ 8-го мая 1831 года въ дѣлѣ
№ 57 времен. Гражд. Отд. Главнаго Штаба Его Ве-
личества по военному поселенію.

ЧАСТЬ II.

Три отвѣта на запросы.

Этотъ краткій очеркъ столь крупнаго событія въ жизни русской христіанской общины вызвалъ нѣсколько запросовъ, которые сводятся къ тремъ нижеслѣдующимъ:

I. Почему авторъ не выясняетъ значенія слѣдующихъ словъ телеграммы Государя: „Да послужить это, столь желательное старообрядческимъ міромъ (а не какою-либо его частью) снятіе долговременнаго запрета новымъ выраженіемъ Моего довѣрія и сердечнаго благоволенія старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью Престолу?“

II. Почему авторъ не отдѣляетъ старообрядцевъ пріемлющихъ священство отъ непріемлющихъ его и не упоминаетъ о тѣхъ отпадшихъ отъ господствующей церкви, которые составляютъ секты не только вредныя, но и изувѣрныя?

III. Въ чёмъ видѣтъ авторъ „славную, воистину великую страницу въ исторіи, которую эти русскіе люди подготовили себѣ, потомству своему и своей церкви?“

На первые два вопроса отвѣтъ ясенъ: авторъ ставилъ себѣ задачей не изслѣдованіе русскаго раскола, ересей и сектъ, а отвѣтъ на вопросъ, чѣмъ заслужилъ старообрядческій міръ, признаніе его Вер-

ховною Властью „искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью Престолу“, какъ сказано въ телеграммѣ Государя. Секты же „вредныя и изувѣрненія“, по разумѣнію ихъ авторомъ, всегда стояли особнякомъ отъ старообрядцевъ пріемлющихъ и не-пріемлющихъ священства.

Что же касается всего прочаго, исходящаго изъ характеристики раскола въ рескриптѣ императора Александра I херсонскому военному губернатору отъ 9 декабря 1816 г. („отъ недостатка въ просвѣщеніи, ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму“), а равно и возлагаемой императоромъ Николае-мъ II надежды, что соборное рѣшеніе прекратить тяжелую историческую рознь,—на эти жизненные вопросы нашихъ дней и на желаніе знать, въ чёмъ видитъ авторъ славную будущность старообрядческаго міра „если любовь къ Родинѣ и вѣрность за-вѣтамъ предковъ будуть попрежнему свѣточами на новомъ ихъ пути“—читатель, быть можетъ, найдетъ отвѣтъ безъ того разбора наслоеній за послѣднія десятилѣтія, которому надѣемся посвятить специальное изслѣдованіе.

* * *

Прежде всего отмѣтимъ ту сугубую ревность въ исканіи правды и подвига, которая сказываются въ вышеприведенныхъ запросахъ. Отмѣтимъ и ту аналогію, то-есть то сходство настроенія русской мысли послѣ Мукденского разгрома съ настроеніемъ ея, полстолѣтіе назадъ послѣ Севастопольского разгрома — не Россіи, а дореформенного ея строя. Это настроеніе вылилось тогда изъ-подъ пера того великаго русскаго патріота и публициста, могилу кото-раго въ Москвѣ навѣстиль Государь въ послѣдній Свой проѣздъ. Приведемъ начало и конецъ той рѣчи,

съ которою обратился тогда русский трибунъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ къ русскому народу—въ лицѣ его просвѣщенаго класса—въ передовой статьѣ „Современной лѣтописи“, разрѣшенной ему съ великими потугами. Вотъ начало этой рѣчи:

„Наконецъ совершилъ оборотъ свой этотъ грозный 1855 годъ! Сколько событий, сколько скорби, сколько стоновъ и крови уносить онъ съ собой! Будетъ онъ памятенъ въ лѣтописяхъ міра, и долго громъ его будетъ отзываться въ народахъ и царствахъ... Да благословитъ Провидѣніе нашу добрую землю, да благословитъ ея страданія и надежды! Да явить любовь свою въ ея испытаніяхъ! Въ продолженіе своего тысячелѣтняго существованія много ужѣ страдала она, терпѣливо тая боль въ своемъ сердцѣ и не требуя мзды за свои жертвы. Да будутъ же нынѣ зачтены ея прежнія страданія и жертвы, и да облегчать они для нея трудъ настоящаго испытанія“.

А вотъ и конецъ ея:

„Съ чистою и искреннею любовію обращаемъ мы наши взоры къ Престолу. Все, что есть въ нась силы и энтузіазма, все отдадимъ мы нашему Царственному Вождю; радостно и съ полною преданностію пойдемъ мы въ добрый путь подъ Его знаменемъ, пойдемъ съ полною вѣрою, что знамя Вождя нашего есть истинная честь, свѣтъ и благо нашей родины!“

Возвѣщенный нынѣ призывъ къ Престолу свободно - выборныхъ для совмѣстной работы восполнить оказавшійся пробѣлъ.

* * *

Освобожденіе русскихъ старообрядцевъ и секентантовъ отъ вѣкового тяжкаго гнета духовнаго и материальнаго, отъ той қабалы, въ которой они изнемогали и подъ давленiemъ которой не падали лишь благодаря поистинѣ героической стойкости и долготерпѣнію своему, провозглашеніе съ высоты Престола свободы совѣсти, свободы исповѣданія — все это

является настолько крупнымъ, настолько существеннымъ и многообъемлющимъ событиемъ въ исторіи Русскаго государства, что учесть этотъ государственный актъ правильно, и во всемъ его значеніи возможно лишь въ особомъ и сопряженномъ съ массой труда и времени изслѣдованія. Если для всего населенія государства законодательное провозглашеніе свободы совѣсти является событиемъ равнымъ по значенію своему отмѣнѣ крѣпостного права, то для миллионовъ старообрядцевъ и сектантовъ манифестъ 17 апрѣля имѣеть несравненно большую важность... Крѣпостная зависимость, хотя и существовавшая, какъ установлѣніе государственное, закономъ хранимое, по существу своему исключала то ужасное, гнетущее сознаніе безысходности положенія, которое непреложно существовало для „раскольника“ при прежнемъ строѣ. Даже поверхностное знакомство съ крѣпостною Русью дасть намъ достаточно основаній для подобного утвержденія. Экономическое благосостояніе „крѣпостного сословія“ было несравненно выше, чѣмъ въ послѣдующее время, не говоря уже про нынѣшнее положеніе русской деревни...

Нравственные отрицательныя стороны крѣпостного строя, даже при полномъ соблюденіи закона, сказывались далеко не повсемѣстно и отнюдь не носили столь ужъ мрачнаго характера, ибо отношенія помѣщика къ крестьянину находились въ зависимости отъ воли, правда, перваго, но воли не всегда же дурной; причемъ правоотношенія помѣщика и крестьянъ основаны были на началахъ патріархальности, на началахъ совмѣстной жизни на землѣ, совмѣстнаго труда надъ этою землей... а не на началахъ предубѣжденія, нетерпимости и преслѣдованія,

которые легли въ основу отношений власти къ „расколу“. Лучшіе, наиболѣе способные крѣпостные для которыхъ, конечно, и тяжелѣе было сознаніе своего состоянія, не лишены были надежды на возможность исхода изъ него... путемъ выкупа, если не путемъ „отпуска“... Наше же старообрядчество лишено было этой надежды, ибо его қабала охранялась закономъ, не допускавшимъ другого исхода изъ нея, какъ путь измѣны своей вѣрѣ, вѣрѣ отцовъ, т.-е. принятіе, по меньшей степени, единовѣрія. Тяжесть же ограниченій, обоснованныхъ отклоненіемъ отъ господствующей Церкви, принимая во вниманіе условія времени, были наврядъ ли легче для старообрядца, чѣмъ соотвѣтственные законы для крѣпостного крестьянина.

Безъ сомнѣнія, освобожденіе многихъ миллионовъ коренного русскаго населенія, да притомъ еще цвѣта, этого населенія, отъ всевозможныхъ ограниченій и стѣсненій, представлявшихъ для нихъ то то, то иное препятствіе на любомъ почти поприщѣ, хотя бы даже частной, дѣятельности; безъ сомнѣнія снятіе съ этихъ миллионовъ способнѣйшихъ, дѣятельнѣйшихъ русскихъ гражданъ удручавшаго ихъ нравственного и материальнаго гнета благотворно отразится на ихъ практической дѣятельности, а слѣдовательно и на экономическомъ благосостояніи Россіи. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ немаловажный вопросъ, мы остановимся на важнѣйшей—духовной сторонѣ реформы 17 апрѣля *).

Для однихъ ли старообрядцевъ и сектантовъ имѣеть значеніе снятіе запретовъ, лежавшихъ на

*) Не реформа ли это, коль скоро она кореннымъ образомъ мѣняетъ строй духовной жизни народа, предоставляемъ въ вопросахъ духовной жизни его рѣшающее слово совѣсти, освобождая ее отъ опеки, отъ гнета, отъ произвола людскаго.

ихъ религіозныхъ ученіяхъ? Въ какой степени отразится на нихъ ихъ духовное освобожденіе? Не отразится ли оно и если отразится, то какимъ образомъ, на основной, православной массѣ населенія Россіи? Вотъ вопросы, которые представляются наиболѣе существенными въ настоящую минуту, и изъ которыхъ истекаютъ лишь другіе.

Мы уже теперь можемъ судить о томъ, какъ отразится знаменательный указъ 17 апрѣля на старообрядчествѣ и на сектантствѣ, ибо вслѣдъ за появленіемъ указа создалось въ обществѣ широко распространившееся мнѣніе, что провозглашеніе свободы исповѣданія есть не что иное, какъ „отходная“ старообрядчеству; что вѣрованіе, освобожденное отъ стѣсненій и запретовъ, потеряетъ для вѣрующей массы всю прелесть страданія за религіозныя убѣждѣнія. Старообрядчество и сектантство перестанетъ де быть запретнымъ плодомъ, что именно и служило главною причиной стойкости и внутренняго единенія многомилліонныхъ толковъ и согласій и взаимной ихъ связи. Съ другой стороны, высказывается мнѣніе, что развитіе просвѣщенія также должно сыграть существенную роль въ дѣлѣ упраздненія старообрядчества. Но не будемъ скрывать и того, что параллельно этимъ воззрѣніямъ на грядущую судьбу его сложились предположенія діаметрально имъ противуположныя. Тутъ главное въ томъ, что порядокъ вѣрованія „по старинѣ“ несравненно болѣе по душѣ русской крестьянской массѣ, для которой религія имѣеть существеннѣйшее значеніе въ жизни; господствующая же церковь съ ея чиновническимъ характеромъ не во всемъ отвѣчаетъ народному міровоззрѣнію, ибо новая, по-петровская русская церковь утратила многія начала, именно болѣе всего доступ-

ныя и дорогія народу, хотя бы право выбора приходскаго священника. И вотъ такое-то и другія въ ней преобразованія и сдѣлали ее менѣе близкой къ народу, а тѣмъ самымъ и не столь съ нимъ неразрывною. Вѣками складывавшійся религіозно-общественный строй крестьянства, духовное его настроение словно роднѣе порядкамъ старообрядческаго вѣрованія. Вотъ почему въ результатѣ реформы 17 апрѣля можно ждать значительного прилива въ сторону старообрядчества...

Мнѣ думается однако, что и то и другое изъ приведенныхъ выше мнѣній, имѣя извѣстныя фактическія и логическія основанія въ томъ, что касается религіозной стороны, въ концѣ-концовъ даетъ далеко недостаточно обоснованный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, и это потому что въ обоихъ случаяхъ старообрядчество понимается, какъ явленіе исключительно религіозное, тогда какъ подобное воззрѣніе далеко не оправдывается ни исторіей возникновенія раскола въ Русской Церкви, ни дальнѣйшимъ развитіемъ старообрядчества, ни, наконецъ, современнымъ его обликомъ. Между тѣмъ господствующее въ обществѣ мнѣніе, основанное главнымъ образомъ на крайне ограниченномъ и поверхностномъ знакомствѣ съ религіозными и соціальными теченіями въ народѣ, а отчасти и на другихъ причинахъ, о коихъ упомяну ниже,—считаетъ не только старообрядчество, но и сектантство за чисто-религіозныя явленія, при чемъ настолько однородныя, что мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ, даже въ печати, именование сектантовъ, въ родѣ скопцовъ или хлыстовъ, духоборовъ или молоканъ,—раскольниками, или что того удивительнѣе,—старообрядцами... Впрочемъ эта малая освѣдомленность

нашего интеллигентнаго общества можетъ найти оправданіе въ томъ, что ему и не откуда было почерпать правильныя свѣдѣнія, даже о такомъ крупномъ явлениі русской жизни, какъ старообрядчество и сектантство, такъ какъ за весьма рѣдкими исключеніями, на всякую попытку въ нашей литературѣ поднять завѣсу, скрывавшую правду, хотя-бы чисто-фактическую, о любомъ духовномъ или общественномъ движениі въ народѣ, налагался строгій запретъ. Для примѣра укажемъ хоть на такое обстоятельство, въ основѣ котораго должно, казалось-бы, лежать строгое безпристрастіе, безусловная свобода слова,— я говорю о миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ со старообрядцами. Казалось-бы, при увѣренности нашихъ богослововъ въ непреложности и непоколебимости своихъ положеній,—единственнымъ дѣйствительнымъ оружиемъ борьбы со старообрядческими „заблужденіями“ *) и распространеніемъ „раскола“ среди православнаго населенія—было-бы ознакомленіе, прежде всего, пасомыхъ, подвергающихся попыткамъ „совращенія“, съ учениемъ „раскола“ (но въ томъ видѣ, какъ излагаютъ его сами старообрядцы, а не въ вольномъ пересказѣ). Вѣдь истинная правда не боится лжи... А тамъ и на собесѣдованіяхъ и въ печатной полемикѣ открывалось нашему духовенству широкое поле для разоблаченія и обличенія... но передъ слушателями и читателями, посвященными въ предметъ обличенія, имѣющими возможность судить самостоятельно, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ... А такъ-ли это... до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ? На всѣ нападки представителей господствующей церкви въ специальной печати, на всѣ, иногда до клеветы лживыя, тенденціозныя „донесе-

*) Это—самое мягкое, рѣдко примѣнявшееся выраженіе.

нія" специальныхъ чиновниковъ-изслѣдователей „рас-
коля" и вообще представителей помѣстной власти, попадавшія въ общую печать—старообрядцы и сектанты отвѣчали... принуждены были отвѣтить... молчаниемъ, ибо въ ихъ рукахъ не было равнаго оружія. Не будемъ голословны; приведемъ фактъ не изъ давно-прошедшаго: Въ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что въ самый день открытия памятника Александру II у старообрядцевъ былъ въ Москвѣ съѣздъ всѣхъ ихъ архиереевъ. Такъ какъ никакого съѣзда не было, то старообрядцы, представляя непререкаемыя тому доказательства, просили огласить ложность сдѣланнаго на нихъ доноса. Они тѣмъ болѣе имѣли на то право, что въ результатѣ доноса получили выговоръ за вину, которой не было. И что-же? Представленныя доказательства ложности доноса признали, но не только въ просимой огласкѣ отка-
зали, но еще три года не допускали оклеветанныхъ доносомъ старообрядцевъ къ Престолу съ искони установившимся обычаемъ личнаго общенія выборныхъ, привѣтствовавшихъ Верховную Власть въ Новый годъ и въ Пасху. Комментаріи излишни.

Старообрядцы давали иногда отповѣдь на такія обвиненія и инсінуаціи въ заграничныхъ изданіяхъ, но такая полемика могла принести лишь весьма незначительную пользу ихъ дѣлу. Въ настоящее время есть надежда на то, что при снятіи съ русскаго печатнаго слова угнетавшихъ его запретовъ, и представители старообрядцевъ и сектантовъ добываются разрѣшенія заговорить въ печати и не эзоповскимъ языкомъ о своихъ воззрѣніяхъ, о своихъ нуждахъ... Тогда, навѣрное, и въ нашемъ образованномъ обществѣ исчезнуть тѣ ложныя воззрѣнія, о которыхъ мы упоминали... Впрочемъ, надо

отдать справедливость нашему обществу въ томъ, что при всей своей неосвѣдомленности о духовной (а не только религіозной) жизни нашего народа, оно чувствовало правду, скрывавшуюся подъ тою маскою, которую насилино надѣвала на всякое не-православное или не-правительственное движение въ народѣ наша бюрократія гражданская и духовная... Общество не только терпимо, но съ симпатіей относилось къ „раскольникамъ“, часто входило въ духовное общеніе съ ними, что доказывается участіемъ представителей интеллигенціи въ сектантскихъ толкахъ и согласіяхъ... Во всякомъ случаѣ нельзя винить русское общество въ безучастіи къ духовной жизни народа, а тѣмъ болѣе въ пристрастномъ, нетерпимомъ отношеніи къ тѣмъ или другимъ ея проявленіямъ...

Далеко не то мы наблюдаемъ въ нашихъ бюрократическихъ сферахъ, начиная съ центральныхъ петербургскихъ канцелярій и кончая низшиими чинами помѣстной администраціи... Казалось-бы вопросъ о старообрядчествѣ и сектантствѣ, т.-е. о религіозно - общественномъ движениі, начавшемся въ Россіи чуть-ли не 600 лѣтъ (при Димитріи Донскомъ), тому назадъ и принявшемъ огромные размѣры въ послѣднія три столѣтія, движениі, обнимающемъ всю территорію Имперіи и насчитывающемъ въ своихъ рядахъ свыше 10 миллионовъ коренного русского населения. Казалось бы подобное явленіе въ жизни народной, которое по мнѣнію самого же Правительства имѣеть значеніе государственной важности, должно было бы подвергнуться всестороннему, тщательнѣйшему фактическому изученію, критическому (научному и политическому) анализу, въ результатахъ чего появилось бы строго опредѣленное отношеніе

ние правительственної власти къ подобнымъ духовно-политическимъ сообществамъ и ихъ членамъ; явился бы законъ, выражающій это отношеніе и руководящій органы государственной власти въ ихъ служебной дѣятельности въ установленіи ли непосредственныхъ отношеній государства къ этимъ обществамъ и обратно, въ устраненіи ли нарушеній ими общегосударственныхъ интересовъ, въ преслѣдованіи ли распространенія вредныхъ учений и зарожденія новыхъ толковъ... Наконецъ и общая масса населенія страны этимъ путемъ гарантирована была бы отъ неправильного пониманія и отношенія къ тѣмъ или инымъ духовнымъ движеніямъ, существующимъ или возникающимъ на ея же лонѣ... Все это было не такъ... Отношеніе Правительства, точно сказть нашей бюрократіи, къ старообрядчеству и сектантству представляеть одну изъ печальнѣйшихъ, сторонъ ея роковой для нашей Родины дѣятельности... !Уже за короткое время съ изданія указа 17 апрѣля, этого акта высшей справедливости и только должной справедливости къ миллионамъ русскихъ вѣрноподданныхъ, въ повременной печати обнаружена сотнями фактовъ несостоятельность нашей бюрократіи въ дѣлѣ руководительства народнаго...

Лучшиe люди, наиболѣe вѣрующіе, нравственные, просвѣщенные, трудолюбивые, и душой и тѣломъ сильные—подвергались гоненіямъ, ограниченіямъ въ правахъ, изгнанію въ безлюдныя окраины за то, что они сознавали, что сами, безъ духовной и административной опеки бюрократіи сумѣютъ лучше создать себѣ жизнь честную и счастливую, чѣмъ живя по указкѣ чиновника, ничего не смыслящаго въ дѣлѣ, которымъ хочетъ управлять... Не служить ли

чрезмѣрнымъ, горькимъ, ужаснымъ доказательствомъ правоты ихъ то положеніе, въ которомъ находится православная, долготерпѣливо подчинявшаяся бюрократическому произволу православная масса русскаго крестьянства?

* * *

Мы наканунѣ коренныхъ преобразованій во всемъ строѣ управлениія страны... Но этотъ „канунъ“ затяняется, быть-можеть... Вотъ почему прежде, чѣмъ новый строй укажетъ пахарю, какъ лучше жить, какъ жить по-человѣчески, не по-скотски впроголодь въ избѣ курной... тѣмъ, кто даже подъ гнетомъ вѣковыхъ преслѣдований за охрану блага своего сумѣлъ и смогъ обосновать благосостояніе на охранѣ завѣтовъ старины,—тѣмъ разрѣшено нынѣ дѣлиться тайной дѣла своего безбоязненно, открыто...

Не для привлеченія нась въ старообрядчество или сектантство даны эти права, эта свобода. Гдѣ сто головъ, тамъ вѣчно будетъ сто умовъ. Непостижимое постигнуть человѣку не дано. Жизнь подъ землей пусть будетъ неразгаданною тайной для ума. Задача, подвигъ въ томъ, чтобы улучшить жизнь поверхъ земли. Чью жизнь? Кормильца-пахаря—и прочей бѣдноты прежде всего. Вотъ куда надо направить разумъ, сердце, силы, волю новыхъ полноправныхъ наиболѣе трезвыхъ гражданъ русскихъ. Возьмемъ хоть пьянство—главный нашъ недугъ. Повѣдайте, какими чарами или обрядами такъ долго удерживаль васъ, а еще болѣе предковъ вашихъ, вашъ укладъ духовный, отъ яда, затемняющаго умъ, разрушающаго не только благосостояніе земное человѣка, но и весь организмъ его. Словами и пожеланіями всяческими не бѣдны мы, наоборотъ. Примѣровъ что ли мало или ихъ нѣтъ? Не въ этомъ ли все горе? Или въ чемъ другомъ? Необходимо же намъ разобраться. Вѣдь если бы

мы „новообрядцы“ и вовсе безобрядцы были хоть такъ же трезвенны, какъ вы старообрядцы, такъ не дошли бы до такого оскудѣнія, духовнаго, до нищеты, позора, разложенія...

Чтобы выяснить эту мысль приходится немного отступить отъ вышезаявленной программы и остановиться на вопросѣ о томъ, что такое старообрядчество и сектантство, какую роль играли они въ исторіи Россіи, въ чёмъ ихъ политическое и культурное значеніе въ прошломъ, и чего надо ожидать отъ старообрядчества и сектантства въближайшемъ будущемъ. Повторяю: и старообрядчество и сектантство слишкомъ крупныя, слишкомъ глубокія явленія духовной жизни Русскаго народа, чтобы обходить ихъ (хотя бы за незнакомствомъ съ ними) при объясненіи его прошлаго. Многія явленія и событія въ исторіи нашей родины являются темными и трудно объяснимыми потому, что мы слишкомъ мало интересовались, духовными переживаніями народа, а еще менѣе сопоставляли отдельныя событія и цѣлые эпохи съ проявленіями внутренней, духовной его эволюціи. Незнаніе духовнаго міра народа, стремленіе подтасовать серьезнѣйшія проявленія его самодѣятельности подъ канцелярскія рубрики, сочиненные десятки тому лѣтъ, а затѣмъ отрицаніе этихъ проявленій самобытнаго культурнаго роста народнаго и преслѣдованіе ихъ въ качествѣ напускныхъ, внушенныхъ вѣяній, народу де чуждыхъ,—подобная политика создала въ послѣднее время (какъ уже не разъ въ прошломъ) нѣсколько хлопотливыхъ сюрпризовъ Правительству, которому приходится въ столь тяжкое во вѣнчаней политицѣ время затрачивать массу энергіи на спѣшное исправленіе ошибокъ, содѣянныхъ трудами всероссийскихъ „столоначальниковъ“, роль которыхъ такъ мѣтко очертилъ императоръ Николай Павловичъ.

Чтобы не быть голословнымъ, укажу на рабочее движение послѣднихъ дней. „Столоначальники“ отрицали существование у насъ рабочаго вопроса. Намъ говорили, что нѣтъ у насъ рабочаго сословія въ западно-европейскомъ пониманіи этого выраженія. Провинціальные столоначальники, привыкшіе считать простолюдина духовнымъ ничтожествомъ и забывавшіе въ немъ вѣнчанія проявленія умственного роста, единогласно докладывали о такой благополучно-обстоящей безотвѣтственности сѣрой массы петербургскому столоначальнику; тѣ сводили эти „свѣдѣнія“ въ доклады; на основаніи докладовъ писались „записки“ и т. д. Вотъ почему Правительство и не могло знать управляемаго имъ народа. Когда же народъ — полу-голодный, и холодный, и безответственный дома, въ деревнѣ, гдѣ онъ никому не нуженъ и гдѣ онъ всѣхъ боится, попалъ на фабрику, гдѣ материальное его положеніе много лучше, чѣмъ въ избѣ, но гдѣ онъ почувствовалъ свою массовую силу, тогда „ёнъ“ открылъ свою наболѣвшую за десятки лѣтъ крестьянскую душу, тогда онъ показалъ, что „ёнъ“ умѣть и думать, чувствовать, и понимать не хуже „столоначальника“, котораго „ёнъ“ давно уже понялъ и окрестилъ характернымъ эпитетомъ, но который не сумѣлъ разгадать его мужицкой души. Отсюда весь нашъ, столь особливый „рабочій вопросъ“ — горше привознаго... и потому горше, что это не узко-рабочій, а мужицкій, народный, всероссійскій вопросъ. Это не только экономической вопросъ — здѣсь слышень протестъ и духа народнаго пренебреженнаго. Этотъ-то духъ народный, эта мощь душевная и умственная, создавшая единую, великую и святую Русь,—она-то тѣснимая въ своемъ стремлениі къ развитію, къ творчеству,—

въ видѣ протеста противъ сжимавшихъ ее тисковъ бюрократіи духовной и свѣтской, отстранилась отъ нея частью и въ старообрядчествѣ. Но и гений народный не непогрѣшимъ, и не удивительно, если въ стихійной борьбѣ за свободу свою онъ уклонился слишкомъ далеко на поприщѣ творчества, болѣзненно реагировавшаго на стѣснявшіе его путы. Такъ создались вразрѣзъ со всѣмъ установившимся административнымъ и религіознымъ „казеннымъ“ строемъ соціально религіозныя секты, доходившія до изувѣрства, въ родѣ скопцовъ или хлыстовицы. Но духовная работа народа совершила свой циклъ, и спокойное, трезвое творчество его устранило изъ этихъ ученій временную черту временного увлечения, и мы видимъ то же скопчество и ту же хлыстовщину въ дальнѣйшей стадіи ихъ развитія вовсе лишенными изувѣрнаго своего характера. „Духовное скопчество“ уже созданіе чистаго мистицизма и въ ученій, и въ обрядѣ.

Свобода совѣсти, дарованная нынѣ Русскому народу, сдѣлаетъ лишь скрытое явнымъ. Духовная эволюція народа, конечно, не остановится; напротивъ; если она не пойдетъ скорѣе, то, во всякомъ случаѣ, поступательное движеніе духовнаго творчества народа будетъ отнынѣ шире, совокупляя въ себѣ многія частичныя явленія, которыя до сихъ поръ тайкомъ зарождались, уединенно росли и одиноко погибали... И если трудно предугадать дальнѣйшую судьбу сектантства въ Россіи, то роль старообрядчества, въ особенности наиболѣе стройной формы его—пріемлющей священство, въ грядущемъ развитіи нашего національного самосознанія и всей нашей національной духовной культуры представляется въ размѣрахъ нисколько не меньшихъ,

чѣмъ было до сихъ поръ. Но положеніе старообрядчества, характеръ отношеній его къ русскому народу въ прошломъ и будущемъ сказывается далеко не одинаковы... Съ момента зарожденія своего старообрядчество служило тою скрижалю, на которой запечатлѣны были основныя начала русскаго национального міросозерцанія; догма старообрядчества—это своего рода *Magna charta libertatum* Русскаго народа, это—его религіозное, соціальное и политическое исповѣданіе вѣры.

Читать по старой или новой книгѣ, креститься двумя или тремя перстами, чтить крестъ четырехъ или осьми конечный, ходить по солнцу или противъ, служить литургію на пяти или семи просфорахъ, т.-е. основные признаки старообрядчества, какъ (неправильно, узко до-нельзя) понимаетъ его преобладающее общественное мнѣніе—все это еще не составляетъ вѣры, а только обрядъ; и не въ немъ, конечно, суть старообрядчества, не въ этихъ обрядахъ, разумѣется, и истинная причина раскола религіознаго. Это внѣшній признакъ явленія, давшій даже имя самому явленію; но основная идея, объемъ и значеніе старообрядчества не только не ограничиваются имъ, но даже опредѣляются въ незначительной ихъ части и съ одной лишь, менѣе всего значущей стороны.

Культурная, умственная жизнь народа начинается прежде всего въ области религіозныхъ вопросовъ, наиболѣе для него близкихъ и важныхъ. Подобно тому, какъ первымъ проявленіемъ духовной дѣятельности первобытнаго человѣка является стремленіе проникнуть въ непонятныя ему силы окружающей природы и объясненіе ихъ могущества одухотвореніемъ ихъ въ формѣ божествъ,

такъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія пробудившаяся мысль человѣка начинаетъ подвергать критикѣ догматы, нѣкогда усвоеные имъ и удовлетворявшіе тогдашнимъ его духовнымъ и умственнымъ запросамъ.

Русскій народъ, протестуя противъ всевозможныхъ угнетающихъ его бѣдъ и напастей, прежде всего ищетъ опоры для своего протеста въ религіозномъ міросозерцаніи. Исторія старообрядства и сектантства представляетъ собою яркую и цѣльную картину развитія народной критической мысли, протестующей противъ тѣхъ или другихъ условій нашего религіознаго, общественнаго или политическаго строя. Изъ всѣхъ „протестующихъ“ ученій создававшихся когда-либо русскимъ народнымъ умомъ и духомъ, старообрядчество является единственнымъ, несомнѣнно, ученіемъ, въ которомъ религіозное начало поглощаетъ остальные элементы, его образующіе. Въ старообрядческомъ же вѣроученіи единственно видимъ мы въ чистомъ, неподверженномъ наслоеніямъ и измѣненіямъ видѣ основы вѣры Христовой, того христіанства — которое воспріяла Русь при Владимірѣ, которымъ она жила, окрѣпла и возвеличилась. Во всѣхъ остальныхъ многочисленныхъ толкахъ и согласіяхъ, древнѣйшихъ и новѣйшихъ, христіанскія начала подверглись въ той или другой степени измѣненіямъ, искаженіямъ, а подчасъ и вовсе отсутствуютъ, такъ что многія русскія секты въ религіозномъ отношеніи основываются на началахъ противныхъ и враждебныхъ христіанскому вѣроученію. Замѣтимъ еще, что въ русскомъ народѣ ни одно изъ религіозныхъ движений, кромѣ старообрядчества, не высказалось точно опредѣленными выраженіями, катехизисами, символами вѣры;

всѣ эти толки и согласія носили и носятъ въ значительной степени характеръ безотчетности стремлений, апостолы и носители коихъ не умѣли бы ихъ формулировать, но за которыхъ умѣли страдать...

* * *

Если старообрядчество есть учение по преимуществу религиозное, то это не значитъ, что религиозною стороной оно и ограничивается... Нѣтъ... далеко нѣтъ. Позорная кличка, которою официально заклеймено было старообрядчество относилась не менѣе къ ихъ общественному міросозерцанію, чѣмъ къ ихъ вѣроисповѣднымъ идеаламъ. Нынѣ съ высоты Престола услышали мы признаніе той роковой, ужасной ошибки, которая два съ половиною столѣтія тяготѣла надъ миллионами нашихъ согражданъ и нашихъ братьевъ во Христѣ. Если милостивыя слова справедливости обращенные Государемъ къ старообрядцамъ въ указѣ 17 апрѣля великою радостью восторжествовавшей правоты отозвались въ старообрядческомъ мірѣ, то не меньшую радость и счастье должны испытать мы — члены господствующей Церкви; ибо нынѣ снята съ насъ на будущее время тяжелая вина въ той ошибкѣ, въ той великой несправедливости къ части нашихъ согражданъ, которая содѣяна была и два съ половиной вѣка упорно соблюдалась въ нашей средѣ...

И если далеко не всѣ мы продолжали коснѣть въ своемъ заблужденіи, если многіе изъ насъ сознавали неправоту оскорбительныхъ поклеповъ на старообрядцевъ, возведенныхъ при нашихъ предкахъ, то тѣмъ не менѣе многаго мы не дѣлали того, что надлежало бы намъ дѣлать, если бы мы стояли на той нравственной высотѣ, которой несмотря ни на какія невзгоды не утратили старообрядцы, ко-

торые—въ противоположность намъ истинымъ сы-
намъ Православной Церкви и вѣрнымъ подданнымъ
Русскаго Царя—ошельмованы были „раскольниками“,
врагами Вѣры, Царя и Отечества... Но достаточно ли
со стороны всего русскаго народа и его правитель-
ства лишь того признанія, которое такъ категори-
чески высказалъ Государь Николай II, назвавшій
старообрядцевъ искони вѣрными, испытанными под-
данными царя и отечества... Уже не впервые съ
высоты Престола раздается слово справедливости,
слово признанія заслугъ гражданскихъ по отноше-
нию къ русскимъ людямъ старой русской вѣры...
Выше читатель прочелъ слова императора Александра I въ указѣ его херсонскому губернатору;
а избраніе въ составъ царской охраны во время
коронаціи исключительно москвичей-старообрядцевъ
не доказываетъ ли, что и Александръ III видѣлъ въ
старообрядчествѣ столь вѣрный оплотъ престола
своего, что считалъ принадлежность къ нему уже
непреложнымъ доказательствомъ непоколебимой вѣр-
ности царю и отечеству, условиемъ какъ бы исключа-
ющимъ возможность иного отношенія къ этимъ
двумъ основамъ русской государственности.

Увѣренность монарха, что въ этой массѣ людей
разныхъ по возрасту, занятіямъ, сословіямъ, достат-
ку и т. д., но единымъ по духовному міросозерца-
нію своему,—господствуетъ столь мощное, столь
единодушное сознаніе гражданскаго долга, увѣрен-
ность выразившаяся въ знаменательномъ и исключи-
тельномъ предпочтеніи,—не служить ли положитель-
нѣйшимъ доказательствомъ со стороны Александра III
признанія за старообрядцами и истиннаго патріотизма,
и нравственной доблести.

* * *

Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ мы намѣчаемъ лишь основанія, развитію коихъ, быть-можеть, посвятимъ впослѣдствіи трудъ болѣе обстоятельный; поэтому мы не можемъ подробно останавливаться и на фактической сторонѣ, ограничиваясь лишь необходимымъ для иллюстраціи нашихъ положеній. Замѣтимъ лишь поестественному, что подобное личное отношеніе Русскихъ Государей къ своимъ вѣрноподданнымъ старообрядцамъ является лишь проявленіемъ высокой справедливости монаршой къ нeliцепріятно оцѣненному прошлому и настоящему старообрядчества. Выше мы привели три картины этого прошлага, относящагося къ тремъ предшествующимъ поколѣніямъ современныхъ намъ старообрядцевъ... Что завѣты предковъ свято соблюдаются и послѣдними — тому доказательствомъ служитъ тотъ героическій подвигъ, который совершаеть на Дальнемъ Востокѣ въ борьбѣ за честь Родины и Царя, за торжество Христіанства Православнаго надъ язычествомъ — наше казачество, въ значительной мѣрѣ состоящее изъ исповѣдниковъ старой русской вѣры... носителей тѣхъ вѣковыхъ національныхъ началъ, которыми всегда побѣждала Русь, и измѣна коимъ приводила ее къ краю гибели...

Нынѣ то средостѣніе, которое стояло между Царемъ и народомъ, которое разъединяло эти нераздѣльныя по существу своему начала русской государственности, — наконецъ пало, оставивъ свободнымъ путь отъ подданного къ Царю и отъ Царя къ Своему подданному... Нынѣ Царь будетъ въ непрерывномъ и непосредственномъ общеніи съ населеніемъ Своего государства; Онъ будетъ лично, а не черезъ лицепріятное часто посредство средостѣнія, знакомиться со всѣми разнороднѣйшими со-

ставными частями этого населенія. Онъ самъ отъ его представителей услышитъ правду неприкрашенную, неизвращенную про его потребности и нужды... Теперь, надо вѣрить, невозможными станутъ вѣковыя „заблужденія“ бюрократіи насчетъ миллионовъ коренныхъ русскихъ гражданъ, которые сумѣли среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, несмотря на тысячи искусственно создавшихся имъ препонъ, образовать громадную, на всю Россію распространившуюся религіозно-культурную общину—сильную вѣрой, крѣпкую национальнымъ самосознаніемъ, упорно-трудолюбивую, честную и трезвую болѣе другихъ, и только потому даже и теперь относительно богатую.

* * *

Братья во Христѣ—старообрядцы!

Въ годину тяжкую, какъ кынѣ, во дни, когда на Вашей Родинѣ слагаются партіи всякия отъ монархической до анархической, сплотитесь же и Вы подъ стягомъ партіи патріотической...

На этомъ стягѣ напишемъ такъ:

Люди—братья; ихъ долгъ—живть въ мирѣ, во взаимномъ общеніи и стремленіи къ благу общему.
Аминь.

Читатель спросить: какъ же все это осуществить, и въ чемъ программа? На эти вопросы я отвѣчу дѣломъ...

До скораго свиданія, читатель.

ЧАСТЬ III.

Куда итти—какъ быть?

Первую часть этого очерка мы закончили выводомъ, что тамъ, гдѣ два вѣка жили и доселѣ живы національные устои, не можетъ не быть могучихъ выразителей этихъ устоевъ, то есть не можетъ не быть дѣятелей способныхъ и достойныхъ быть впереди толпы—на всѣхъ ступеняхъ управлениія страны. А такъ какъ такія силы болѣе всего нужны въ тяжкія годины, не съ неба падающія, а слагающіяся въ періоды утраты мощи экономической и политической—какъ результатъ оскудѣнія духовнаго и материальнаго—то мы и выразили пожеланіе имъ—этимъ могучимъ выразителямъ національныхъ устоевъ—широко открытыхъ дверей на всѣхъ путяхъ. Мы указали также, что переоцѣнка силъ наличныхъ и поиски силъ новыхъ во всѣхъ углахъ, есть первый шагъ къ возрожденію... Въ книгѣ „Соль Земли“, изданной нами наканунѣ выхода въ свѣтъ первого изданія этого очерка въ ч. X: „Задачи суда выборныхъ по дѣламъ блага общаго“ читаемъ:

„Какъ бы ни было, передъ нами міровой законъ, „что появленіе великихъ людей—неизбѣжный спутникъ критического момента исторіи страны; и передъ нами же возможность открыть имъ—великимъ „русскимъ людямъ—путь къ Престолу“.

Мы знаемъ и другой міровой законъ, что искреннія, обоснованная живая рѣчъ сильно дѣйствуетъ на массы; но знаемъ также, что живой примѣръ дѣйствуетъ еще сильнѣе. И, подводя итоги, не обинуясь скажемъ, что изъ этой многомилліонной старообрядческой среды полноправныхъ нынѣ гражданъ несомнѣнно, неизбѣжно, въ силу вещей, въ силу сейчасъ указанныхъ міровыхъ законовъ выдѣлятся крупные выразители тѣхъ национальныхъ устоевъ, которыми сложилась Российская Держава, которыми слагался строй иной, **отличный** отъ строя, давшаго Севастопольскіе, Мукденскіе погромы, и Родину приведшаго къ позору нашихъ дней.

Отъ освободительного закона 17 апрѣля прошло времени немногого, и разобраться въ своихъ силахъ старообрядцы не могли. Да и задача ихъ невольная, великая, мудреная. Вѣдь мертвой точки нѣть въ природѣ; ракомъ людямъ не ползти; впередъ надо итти; а для того знать надо **куда итти — какъ быть**, къ какому дѣлу приложить вѣками скопленныя силы. Дѣла вѣдь всякия бываютъ... И вотъ, въ раздуміи обѣ отвѣтѣ на такой вопросъ, пошелъ я спросить мнѣнія старшаго изъ членовъ московскаго свободно избраннаго старообрядческаго духовенства — отца Іоанна, недавно возвращенаго изъ ссылки. Что же случилось тутъ читатель? Вмѣсто отвѣта, словно молчальникъ, о. Іоаннъ раскрылъ Евангеліе и сталъ читать отъ Іоанна зачало 34. А это глава 9-я стихи 2 и 3. Вотъ они:

„Ученики Его спросили (про слѣпого отъ рожденія) Равви! кто согрѣшилъ, онъ, или родители его, что родился слѣпымъ?

„Иисусъ отвѣчалъ: не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, но это для того, чтобы явились дѣла Божіи“.

Вдумываясь въ ходъ событій не чуется ли читателю, что для такого дѣла Божія, какъ возрожденіе Святой Руси, то есть для возрожденія всего Русскаго люда на землѣ, а стало быть и для спасенія всего подвига „всечеловѣка“ Самимъ его Творцомъ, „на черный день“ сбережены вотъ эти самые: всѣ поголовно Русскіе, всѣ поголовно грамотные и чуть не поголовно трезвые, которыхъ мы—ослѣпленные съ Запада пришедшими свѣтомъ—чуралися, ссылали, слѣпыми называли...

ЧАСТЬ IV.

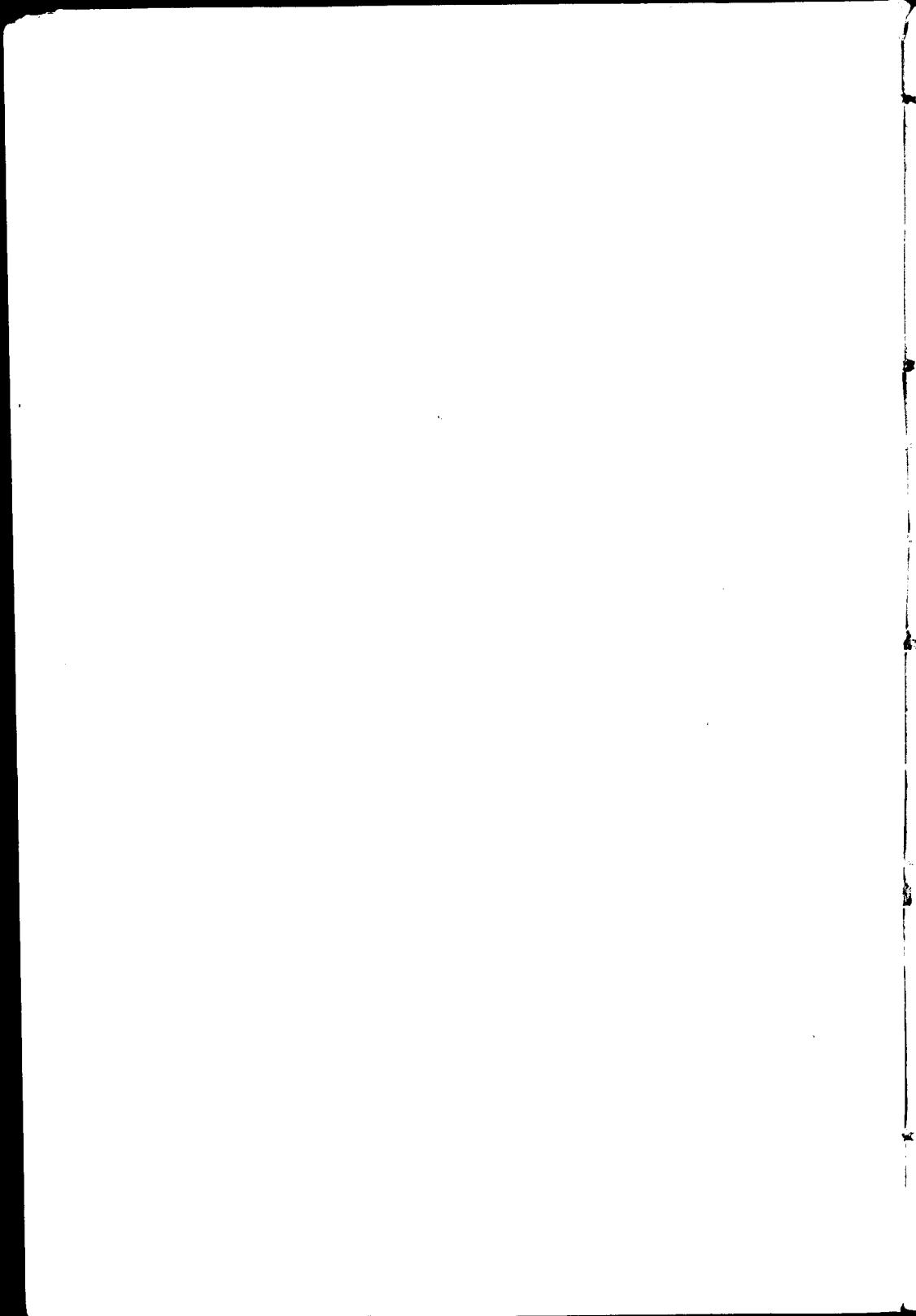
Загадка и разгадка.

(Памяти С. Т. Морозова.)

При общемъ приведеніи къ присягѣ гласныхъ Московской Думы для гласныхъ-старообрядцевъ было отведено особое помѣщеніе, куда былъ приглашенъ ихъ священникъ. Въ числѣ этихъ, отдельно-присягавшихъ гласныхъ былъ и такой даровитый, крупный и популярный человѣкъ, какимъ былъ покойный Савва Тимоѳеевичъ Морозовъ—окончившій естественный факультетъ Московскаго университета.

Для мало знакомыхъ со старообрядчествомъ было загадкой, что такой культурный, „передовой“ дѣятель считается съ такими „малозначущими вещами“, какъ наружное различіе „господствующаго“ четырехъ-конечнаго креста. А, между тѣмъ, тутъ сказалась именно та цѣльность, самобытность и непоколебимость, которыми сложилось и прожило два вѣка старообрядчество. И въ этомъ—существенный залогъ успѣха на новомъ его пути. Вотъ рѣшеніе этой загадки.

Русская семья старообрядческая сложилась такъ, что то, что съ молокомъ матери вошло, что было запечатлѣно впечатлѣніями дѣтства, отрочества, какъ наслѣдие предковъ и отца, то дорого тутъ и любовно такъ, что въ борьбѣ за разставанье съ нимъ культурѣ Запада—какъ сейчасъ видимъ—не осилить.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ
духовенства, попечителей и выборныхъ Мо-
сковского Старообрядческаго Общества Ро-
гожскаго кладбища (17 апрѣля 1905 года).

Духовенство:

О. Елисей, о. Прокопий, о. Иоаннъ, о. Тимофей.
Діаконы: старшій о. Елисей, о. Левъ.

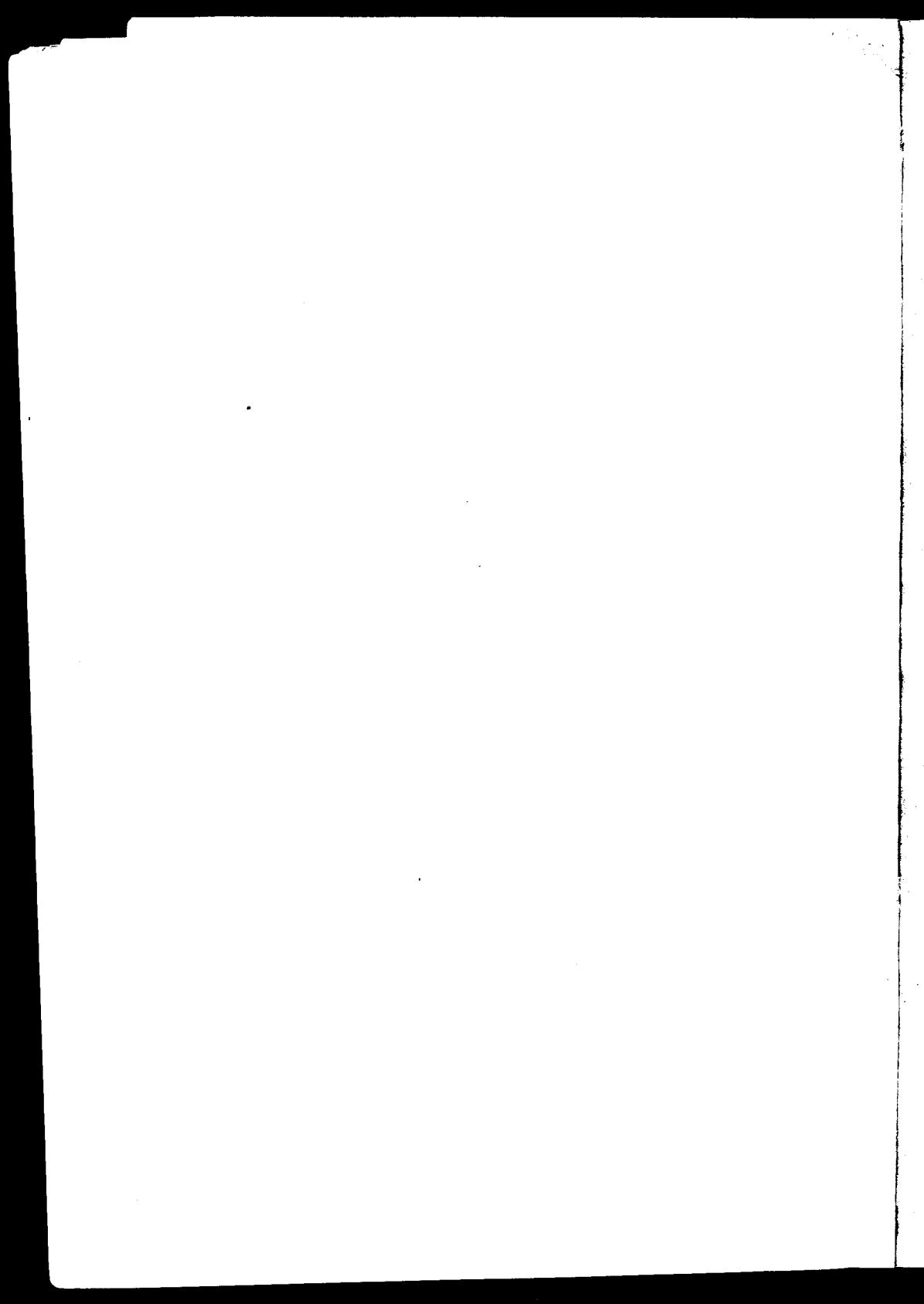
Попечители:

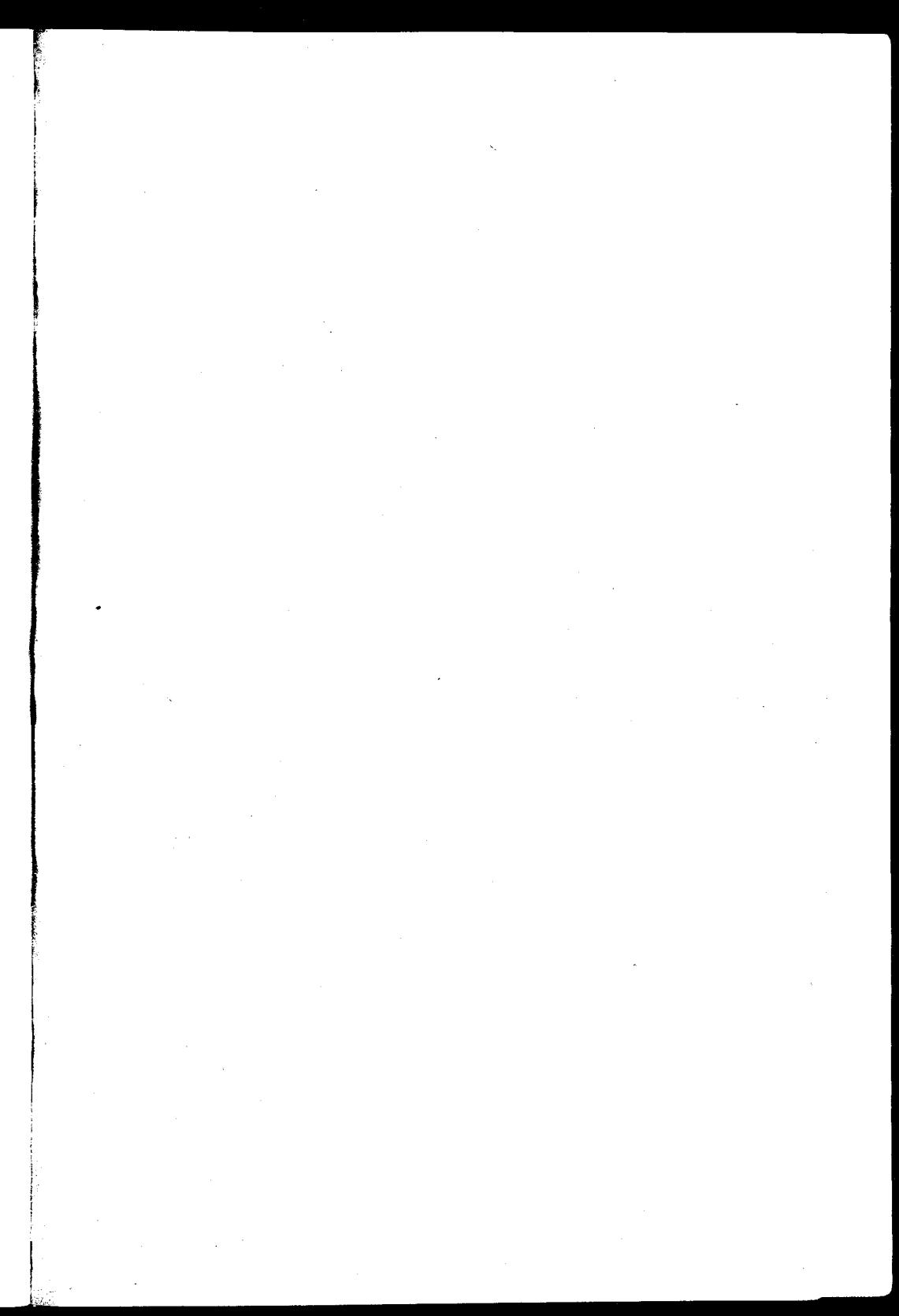
Сергѣй Матвѣевичъ Кузнецовъ—онъ же и стар-
шина и предсѣд. всѣхъ общественныхъ собраній.

Иванъ Карповичъ Рахмановъ.

Выборные:

1. Савва Тимофеевичъ Морозовъ.
2. Матвѣй Сидоровичъ Кузнецовъ.
3. Иванъ Алексѣевичъ Пуговкинъ.
4. Петръ Сидоровичъ Растворгуновъ.
5. Георгій Трифоновичъ Малыжевъ.
6. Георгій Карповичъ Рахмановъ.
7. Павелъ Павловичъ Рябушинский.
8. Павелъ Васильевичъ Федотовъ.
9. Константина Васильевичъ Федотовъ.
10. Сергѣй Егоровичъ Трындінъ.
11. Василій Тарасовичъ Соловьевъ.
12. Сергѣй Тарасовичъ Соловьевъ.
13. Александръ Федоровичъ Нырковъ.
14. Василій Андреевичъ Шибаевъ.
15. Иванъ Ивановичъ Шибаевъ.
16. Сергѣй Васильевичъ Морозовъ.
17. Иванъ Ивановичъ Новиковъ.
18. Андрей Федотовичъ Медведевъ.
19. Дмитрій Ивановичъ Баулинъ.
20. Алексѣй Федотовичъ Сельниковъ.
21. Федоръ Анфиногеновичъ Сидоровъ.
22. Александръ Ефимовичъ Латрыгинъ.
23. Максимъ Сергѣевичъ Балашевъ.
24. Иванъ Владимировичъ Бровкинъ.
25. Николай Петровичъ Рыбаковъ.
26. Николай Прокопьевичъ Соболевъ.
27. Иванъ Анфиногеновичъ Сидоровъ.

Того же автора:

<u>Міровая задача нашихъ дней</u>	10 к.
<u>Каждому свое</u> (Самъ спише)	30 к.
<u>Соль земли</u>	1 р.
<u>Букварь души.</u> { Кому вѣрить? .. } (Отвѣтъ простолюдину.) { Кому не вѣрить? .. }	Третье изданіе { 5 к. 5 к.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Кто виноватъ? (С. Ю. Витте или „Московскія Вѣдомости“.)

Какъ устраниТЬ безхозяйственность въ государственномъ хозяйстве.

Букварь денегъ и кредита.

Букварь школы низшей, средней, высшей.

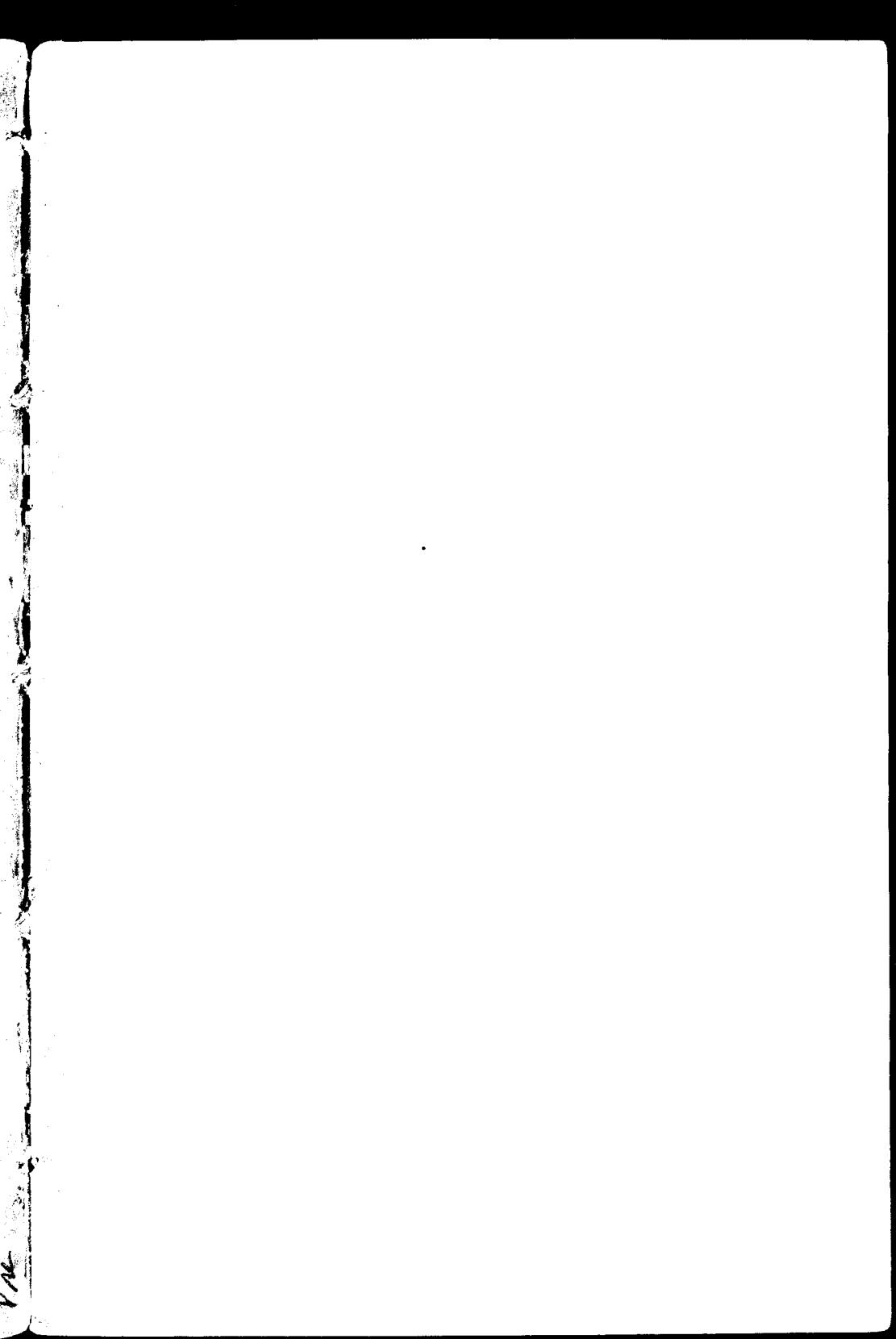
Букварь укрѣпленія окраинъ.

Букварь мощнї экономической и политическої и друг. буквари на злободневныя темы.

ПРОДАЖА ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Дозволено цензурой. Москва, 17 мая 1905 г.

Типо-Литографія Т-ва И. М. Машистова, Б. Садовая, соб. д.

LIBRARY OF CONGRESS

0 010 636 207 5